

Александр БАЛТИН

К 215-ЛЕТИЮ Н. В. ГОГОЛЯ

Чичиков — главный персонаж «Мертвых душ» или все-таки Россия? Буйная и таинственная, долго запрягающая и несущаяся тройкой, не сделавшаяся за две века понятнее даже самой себе?

Шармер Чичиков, каковой сегодня не воспринимается подлецом — о! еще бы! В мире товарно-денежных отношений, где вынуждены жить все, его афера тянет скорее на подвиг, сколько бы Гоголь ни разоблачал оную... Персонажи уничтоженных частей — того, что осталось от них, — поражают яркостью не в меньшей степени, чем хрестоматийные Плюшкин и Ноздрев. Чего стоит один Петух с его бесконечной едой. А вот Муразов, миллионер благородного образа мыслей и аскетичного образа жизни, не наполнен кровью реальности, ибо не бывает таких Муразовов в действительности, невозможны они: несовместимы денежный избыток и душевная стройность.

Гоголь — тайна, Гоголь — сказочник... И страшные сказки нависают над нами, то очаровывая, то предупреждая: помните, что случилось с персонажем «Портрета»? Бойтесь денег, художники... Хотя... как без них-то.

Вьются смыслы, волокна сострадания перевивают вечного Акакия Акакиевича, и грозит он с того света, появляется призраком: не обижайте малых сих! Не трогайте маленьких! Да все равно — и обижают, и трогают, и всегда будет так. Литература никого ничему не учит — особенно в нынешнем мире, когда и сама-то она смотрится архаикой.

Сверкает гоголевский язык, роскошный, несколько неправильный, с самоцветами драгоценных слов, с немислимыми сочетаниями; хлесткий, кипящий, точно из бездн своих производящий новых и новых персонажей...

Грустно смотрит столь многому учивший нас Гоголь: и через образный строй своих книг, и через «Выбранные места...», каковые, в сущности, и являются третьей — райской — частью «Мертвых душ»; и через пример истовой и истинной веры своей — недоступной нам, непостижимой в дебрях тайны своей... Многому учил — да разве нас научишь? И вертятся современные Чичиковы, выгадывая и выкраивая, и брешут

Александр Львович Балтин родился в Москве в 1967 году. Поэт, прозаик, литературный критик. Автор 85 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Испании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США.

Хлестаковы — не остановить, и новые значительные лица обижают новых Башмачкиных. Ибо, как было сказано, — «Скучно на этом свете, господа».

Чичиков соответствует времени нынешнему — как, вероятно, будет соответствовать почти любому: пока человек не изменится физически, не станет другим физиологически, пока он будет оставаться природным буржуа, мещанином, рантье... Подлинно ли души умирают в недрах тел, ибо именно это, как известно, и имелось в виду? Но «иметь в виду» это связано с высокими порывами и тонкими устремлениями самого Гоголя, и куда там лучам Рентгена! Связано с убежденностью, что жить надобно заботой о духовном росте, о постоянном совершенствовании себя, тогда как жизнь хозяйством, как у Собакевича (крепкий, кстати, сильный хозяин), есть вариант внутренней низины, из которой не вырваться уже...

Но типы и образы «Мертвых душ» совсем не мертвые, коли взглядеться в окружающий нас человеческий пейзаж: большинство живет так и, вероятно, будет еще жить неисчислимые гирлянды веков: свой дом, своя семья, достаток... Что для человека важнее? Но Гоголь не хотел жить оным, он рвался в космическую запредельность духа, для него выражавшуюся церковным деланием, он жаждал ухода в иные реальности и — мечтал об усовершенствовании человека.

Россия жрет. Спит, играет в карты... Как вариант — мчится на бричке. Но это движение по пути обогащения, а вовсе не полет в сокровенные пределы духа. Все конкретно, смачно, сочно, как гоголевские описания — еды ли, внешности людской, усадебного быта.

Мечтательность — порок, когда даже малейшей попытки реализовать мечты не предпринимается — на сцену выходит Манилов, рассуждая о майском дне и именинах сердца. Скукоженный Плюшкин не вписывается в тематику обычного русского размаха, но разнообразие людских типов слишком велико, встречается и такое... Россия, сильно изменившись внешне, остается очень похожей на гоголевскую Русь: и в учреждениях вечно встречаются кувшинные рыла, и аферисты выигрывают в большей степени, нежели люди, занятые устройством собственной души (впрочем, победы последних лежат в плоскости, не подлежащей объективным исследованиям). Остается зайти во дворик и посмотреть на скорбный памятник Гоголю, так точно передающий поздние настроения самого грустного классика...

Страшный «Портрет», горящий и горчащий неистовостью предупреждения; «Невский проспект», растворяющий перспективой ступивших на него... Главная ли среди «петербургских» повестей «Шинель»? Такого сгустка сострадания не ведала русская литература — а знала ли мировая? Как жаль, что, дойдя до вершин, пройдя многими изломистыми и извилистыми тропами, она забыла про оный феномен... Сострадание... даже снег, кажется, проявляет его по отношению к Акакию Акакиевичу. И идут вереницы таких, слабых, малых, не согретых жизнью, идут среди нас, будто не изменилось ничего... И сияет феноменальный язык Гоголя, будто собранный из самоцветных камней, вместивший в себя столь многое, что захлебнешься, пробуя перечислить. Художественность и боль, выразительность и сострадание: умножение, дающее результат, прободающий время. Умножение высот, отрицающих низины.

«Утро делового человека», как круглая светящаяся призма, испускает лучи-реплики драматургического шедевра... который почему-то не возник... Хотя прочно сделанные механизмы гоголевской драматургии работают мощно, несмотря на мох времени...

Задор и мистика «Игроков», превращающие и колоду карт в персонаж. «Говорит мне зять, Андрей Иваныч Пяткин...» И уже неважно, что говорит, ибо представля-

есть его: круглого, бритого, ленивого... Или вот собираются персонажи «Женитьбы», из душистого теста жизни слепленные, великолепно выпеченные; собираются, наполняются начинкой бытия, чтобы навсегда запечатлеться в нашем... Вспыхивает фи-тюлька Хлестаков, да горит криво, смрадно чадя — враньем, тщеславием, неумением концентрироваться на чем-то одном, бесконечным пустозвонством... Другие собираются, а сколько их вокруг, в жизни: у этого нечто от городничего, у того — от Ляпкина-Тяпкина, у третьего — от того и другого. А у самого-то? Всех пробрал Гоголь, все включил в чудную свою драматургию...

Так ли плох Чичиков? Чичик, щеголь, всегда прекрасно одет, способен поддержать любую беседу, шармер... Он вполне потянул бы на героя сегодняшнего дня, но день этот, длящийся годы, давно перевернул понятия о солнце и тьме. Задуманный под-лецом, он и является таковым, с размахом проезжающий в бричке, несущейся, как Русь. Больно быстро понеслась, замедлить бы...

Недра России — сонные, сытые, с Петрушками и Селифанами, с Коробочками, стано-вляющимися государственными людьми. Не знаю такого помещика, нет такого помещика...

Мощно ест ничему не удивляющийся Собакевич. Облако проплывает, и упрятан-ный в него на века Манилов повторяется из века в век. Как все они, кружащиеся в веч-ном хороводе, знакомы: сколько таких вокруг. Плюшкин редок: в России так не ссы-хаются, но... ведь не пережил смерти жены, ведь после нее стал таким скукоженным, и... что уж теперь.

...Небо Италии, выкипающее в синеве золота, так не похоже на небо России, про-стертое над бездной земли с бесконечными дорогами и мчащейся вновь и вновь бричкой, в которой сидит подлец, ставший бы сейчас героем...

Отчаянно едящая Россия — о! тут Петух одерживает верх, держит первенство, тут самый смак процесса, тут жизнь, подчиненная еде полностью, но... с каким восторгом! Плотно, веско, скучно, основательно употребляет пищу Собакевич, более порхая — Манилов: и того попробует, и этого отведаст... Чичиков, садящийся за стол в любое время и часто-часто чувствующий уже аппетит. Странное противоречие: Гоголь, стремящийся идти по пути духовному, Гоголь, чуть ли не умирающий оттого, что духовник запретил ему монашескую стезю, — и такое гастрономическое изобилие... Но ведь оно — портрет реальности. Не замечали — еда отвлекает от мыслей? Пыш-ная и избыточная вдвойне. Физиологи утверждают, что самое приятное для чело-века — есть. Кто оспорит сие? Физиология не слушает проповедей... Гоголь изобра-жал, как было: и смачность, и сила изображения были чрезвычайно велики, врезались в память — не забыть. Да и не стоит забывать.

Еда, заменяющая жизнь, еда, становящаяся фетишем, еда, дарующая эйфорию. Ло-мящиеся столы Петра Петровича Петуха, соответствующие аппетиту Чичикова: осе-тры, поросята, раки, расстегаи и проч., и проч. Еда у Гоголя играет сакральную роль, какую действительно играла у некоторых бар в России. У некоторых: представить Плюшкина пирующим невозможно. Но неперменная черта Чичикова — это аппе-тит, ибо в любой час и после всякой закуски он готов обедать. А как чудно ест Афа-насий Иванович: то грибки, то скородумки, и все перед обедом. Почему так? А пото-му, что через избыточную привязку к еде идет избыточная же привязка к матери-альной жизни, значит, и душа становится омертвелой, пустой, выхолощенной. Ка-кая страшная избыточность — хотя и данная с чудесным художественным размахом, вкусом, вкусом...

Гугль-Гоголь, Гоголь-Гугль... Из небесного далека глядя на мир с доброй, грустной, но и лукавой усмешкой, Гоголь, зная, как функционирует сеть (особенно соблазнов), сознает, насколько провидчески поделился своею фамилией с будущим, в котором никто не может обходиться без Гугла...

...Иван Иванович никогда не помирится с Иваном Никифоровичем, и ситуация эта настолько типическая, насколько мир, изменившись внешне, мало изменился внутренне.

Чичиков не будет ныне восприниматься подлецом: нормальное желание разбогатеть — что ж поделать, что честно не реализовать оное? Мы ж в России... Приятнее взирать на нее из римского далека, возможно, под тамошним солнцем реже встречаются Хлестаковы и те же Чичиковы... хотя... они всемирное антидостояние. Всеобщее: врут везде, аферы затевают, не стремясь к чистоте душевной, не слишком видя разницы между живой душой и мертвой. Мертвая — усохшая, как у Плюшкина, не реагирующая на чужую боль — только если на свою обиду. Мертвая — до того еще, как умерло тело.

Много феноменов психики зафиксировал Гоголь, роскошно гроздью персонажей одарив грядущее человечество. И персонажи эти — в большинстве своем — не менее реальны, чем ваши соседи. Вон в соседнем дворе Ноздрев снова, захватив куражу в дозе допинга, брешет, размахивая руками. Вон сладко прожектирует современный Манилов, давно потерявший грань между явью и вымыслом.

И несется, все несется, не останавливаясь, не открывая цели своей, птица-тройка...

РЕЦЕНЗИИ

ЖИВОЙ ТУРГЕНЕВ

Ирина Чайковская. Такой разный Тургенев: к 200-летию со дня рождения.

М.: Академический проект, 2018. — 215 с.: ил.; Вокруг Тургенева. М.: Академический проект, 2023. — 388 с.: ил.

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) оставался центром литературной жизни России на протяжении трех десятилетий, от первых публикаций «Записок охотника» до «Дыма» и «Нови». Его читали (хваляли или ругали) «все», но критиков, независимо от разногласий, отличал один и тот же прямолинейный подход: вымышленные персонажи (любого автора, не только Тургенева) рассматривались так, как если бы речь шла о реальных людях или о героях бытовых очерков — что Лаврецкий с Базаровым, что Антон-Горемыка и гуттаперчевый мальчик. Авторов же вели талант, интуиция и верность внутреннему голосу. У каждого так называемая правда жизни преломлялась по-своему. Их миром была литература, а не журналистика.

Конечно, полное понимание системы художественных средств большого мастера возможно только при ретроспективном взгляде на его творчество. Тогда замечаешь и привыкаешь к тому, что если, например, у Достоевского в начале романа появляется князь, то он будет либо ущербным, либо ничтожеством, и что если объявлена свадьба, то она не состоится, а в самый драматический момент произойдет массовая сцена со скандалом. Труднее осознать, что мертвые души — пожизненно главная приманка для Гоголя (начиная с утонувшей панночки и Вия) и что поэтому не случайно привлек его авантюрный сюжет о Чичикове, рассказанный ему, по его словам, Пушкиным. Еще менее заметна формула, которой следовал Лермонтов: чужак разрушает